

Лазутин С.Г. Русская частушка: вопросы происхождения и формирования жанра. Воронеж, 1960.

Путилов Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976.

Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока. Свадебная поэзия. Похоронная причет. Новосибирск, 2002.

Фетисова Л.Е. Дальневосточная частушка и некоторые проблемы истории и поэтики жанра. Владивосток, 1982.

Элиасов Л.Е. Амурский фольклор. Благовещенск, 1970.

Этнография восточных славян: Историко-этнографические очерки. М., 1987.

Источники

Архив РАН (СПб.). Ф. 9. Оп. 1. Д. 993.

ЛИ ЦИНЧЖАО: ПОЭЗИЯ И ГЕНДЕР В СРЕДНЕВЕКОВОМ КИТАЕ

Ю.Г. Смертин

Ключевые слова: Китай; эпоха Сун, поэзия-цы, Ли Цинчжао, лирика, гендер.

Keywords: China, Song era, Ci-poetry, Li Qindzhao, lyrics, gender.

Ли Цинчжао (1084–ок.1155) является единственной женщиной-поэтом, известной всем почитателям традиционной китайской поэзии. В императорском Китае были и другие поэтессы, но их творчество известно только узкому кругу специалистов, а лирические стихи Ли Цинчжао высоко ценились при ее жизни и цитируются до сих пор.

Поэтическое творчество Ли Цинчжао невозможно изучать в отрыве от исторического, социального и культурного контекста эпохи. Но прежде нужно сказать о месте поэзии в духовной жизни китайского общества. В классической поэзии Китая сосредоточивались и философия, и этика, и политика, и многое другое; она была фокусом культуры. Поэты были мыслящим слоем общества, или, точнее, этот слой состоял из поэтов разной степени одаренности. Это было связано не только с тем, что стихосложение входило в государственный экзамен для занятия чиновничьей должности, но и с общим для китайских интеллектуалов всех времен поэтическим восприятием природы и человека как части

космического бытия. В Китае было принято считать, что моральные качества поэта заключены в его стихах. Отсюда феноменальная общественная значимость стихотворца, воспринимавшегося как олицетворенная совесть нации, и удивительная популярность классической поэзии, многообразие ее функций. Перефразируя слова Е. Евтушенко, можно сказать, что поэт в Китае – больше, чем поэт.

Китайская поэзия – это прежде всего стихотворчество в жанре *ши*, который был призван отображать высокие помыслы и добродетельные черты идеальной конфуцианской личности. Традиционно считалось, что у истоков этого жанра стоял сам Конфуций, поэтому поэзия-*ши* была престижной сферой духовной жизни общества.

Здесь следует пояснить, что понимали под поэзией Конфуций и его последователи. Для западной традиции поэтический текст неотделим от автора, его мировоззрения, психического склада, жизненного опыта и, конечно, его эмоций. Все это делает поэтическое творчество личностным, интимным актом. Не так в конфуцианской традиции, где поэзия предназначалась для пропаганды морально-этической доктрины, исправления общественных пороков и поучения властей. Такое важное дело нельзя было вверять рефлексирующей, чувственной личности, пытающейся выразить в стихах свой внутренний мир. Благородный муж должен быть постоянно сдержан и, согласно ритуалу-*ли*, идти «серединным путем». Это означало на практике подавление эмоций, главная опасность которых состояла в том, что они не были подконтрольны рассудку и относились к области животных инстинктов человека. Исследуя эту проблему, М.Е. Кравцова приходит к выводу, что поэзия-*ши* в том виде, в каком она осмысливалась конфуцианской доктриной, была лишена индивидуального начала [Кравцова, 2004, с. 328–329]. Высокая цель стихотворного послания миру определяла и его облик; *ши* – это немногословное стихотворение со строго установленной формой (оно состоит из строк одной длины в 5 или 7 иероглифов).

Но в эпоху Тан (618–907) возник новый жанр классической поэзии – *цы*. Это было связано с возросшим интересом к человеческой личности и ее интимным переживаниям, эмоциональным порывам. Господствующим оставалось конфуцианское отношение к любви и ее проявлениям: эта сфера жизни не заслуживала внимания образованного человека, а тем более поэтического воспевания, поскольку рассматривалась как удовлетворение естественных потребностей. В «Ли цзи» («Записках

о ритуалах») сказано: «Утоление жажды, принятие пищи, чувства между мужчиной и женщиной – в этом проявляются главные желания людей» [Ли цзи, URL]. Однако определенный кризис конфуцианской морали в позднетанский период привел к появлению у части городского общества убеждения в том, что стремление к личному счастью, любовным переживаниям – законное и уважаемое право человека. В поэзии это нашло отражение в новом жанре – песенной лирике, или *цы*. Поначалу это были любовные стихи, написанные на определенную мелодию для песенного исполнения под аккомпанемент музыкальных инструментов. Число иероглифов в строке, количество строк, ритм произведения зависели от музыкальной мелодии. Таких классических мелодий, послуживших основой для создания *цы*, насчитывается более шестисот. Композиции *цы* исполнялись в основном на банкетах с участием женщин, и поэтому песенная лирика ассоциировалась с женщинами-развлекательницами и женским голосом [Women Writers..., 1999, p. 13]. Постепенно *цы* становились все более популярными, и в X веке, после распада Танской империи (в период Пяти династий, 907–960) многие поэты обращаются к новому жанру и превращают его в самостоятельный вид художественного творчества.

Большинство *цы* состоят из двух или более частей (строф). В отличие от *ши*, в *цы* каждая строфа несет самостоятельную смысловую нагрузку и может выступать по законченности мысли в качестве отдельного стихотворения. *Цы*, как правило, рифмуются, и это придает им особую выразительность и музыкальность. В некоторых случаях стихи-*цы* могут иметь название, выражающее некоторую идею содержания. Такие названия могли быть даны самими поэтами или позднее добавлены комментаторами. *Цы* могут и не иметь названия. И еще одна особенность этой поэзии: в каждом *цы* непременно присутствует его создатель, т. е. автор. Он активный участник всего того, о чем повествует, причем повествование, за редким исключением, ведется от первого лица. Многие великие поэты танского Китая – Ли Бо, Бо Цзюйи и другие – пробовали кисть в жанре *цы*.

В следующую эпоху, Сун, (960–1279) в Китае происходит полное обновление интеллектуальной жизни, что во многом было связано с социальными и экономическими переменами, и, прежде всего, с увеличением числа состоятельных семей и ростом городов. Сунская эпоха, возможно, лучше, чем другие, демонстрирует тесную связь между искусством и литературой, с одной стороны, и

социальной обстановкой, с другой. Ранее танская аристократия основным своим занятием считала военное дело, а свободное время проводила в азартных, динамичных занятиях – игре в конное поло, верховой езде, охоте. Правящий класс эпохи Сун состоял из богатых и образованных семей, живших в городах на доходы от поместий. Эти люди презирали физические усилия и соответствующие им занятия и развлечения. Высшие слои привлекали интеллектуальные, созерцательные стороны искусства и литературы. С сунского времени и на многие века вперед занятием образованных кругов были высокая литература, живопись, каллиграфия, коллекционирование книг и произведений искусства, конструирование садов и т.п.

Разумеется, все эти глубокие перемены в обществе и его сознании не могли не отразиться на поэтическом творчестве. Поэтические темы и образы остались в основном прежними: встречи и расставания друзей, служба в чужом краю, размышления о быстротечности жизни, природа в ее сезонном круговороте. А вот в жанровом отношении появляется большее разнообразие, в основном за счет жанра *цы*, который становится самостоятельным и важным видом художественного творчества. Сунские поэты смело разрушили границы *цы*, они увидели в нем форму, подходящую не только для высказывания интимных чувств, но и для выражения глубоких философских идей.

Создание стихов в сунский период, как, впрочем, и ранее, было занятием образованных мужчин, рассматривавших свое творчество как средство воздействия на правителей и равных себе. Считалось, что женщины, создания более эмоциональные, неизбежно портили поэзию излишней чувственностью и снижали ее назидательный уровень. Однако Ли Цинчжао своим творчеством сумела занять собственное место в мужской литературной традиции. Ее лирика связана с традиционными темами китайской поэзии – любовью, грустью, ностальгией и одиночеством, но она раскрывает их с необычайной тонкостью и удивительной глубиной.

Ли Цинчжао, известная также под псевдонимом Иань Цзюйши, родилась в 1084 году в городе Миншуй (ныне Чжанцюй, пров. Шаньдун) в семье крупного чиновника. Ее отец, Ли Гэфэй, был членом Императорской Академии, известным писателем, входил во влиятельный литературный кружок, возглавлявшийся великим поэтом Су Ши (1036–1101). Мать происходила из знатной семьи и тоже не была чужда литературному творчеству. Она рано

умерла, но Цинчжао была окружена заботой и любовью отца, дедушки, двух дядей и их жен.

В те времена девушки не получали систематического образования, их ограждали от чтения книг, дабы не отвлекать от процесса воспитания женских добродетелей. Но юной Цинчжао позволялось много читать, изучать историю, заниматься каллиграфией, живописью, музыкой, и она получила прекрасное домашнее образование. Ее знания были настолько глубокими, что отец говаривал: «Если бы моя дочь была мальчиком, она легко бы сдала государственный экзамен на чиновничью должность» [Li Qingzhao: Beauty of Sorrow, URL]. Аналитический ум сочетался у нее с романтическим отношением к жизни. Она любила бродить по окрестностям города, наблюдая за вечно изменяющейся природой, а свои ощущения доверяла стихам, по-девичьи наивным, но уже талантливым. Когда Ли Цинчжао было 15 лет, она отправилась вместе с отцом в столицу Бяньцзин (ныне Кайфэн), где познакомилась с учеными и литераторами отцовского кружка. Под влиянием этих выдающихся людей она начала писать «взрослые» стихи, и вскоре приобрела репутацию оригинального и искреннего поэта.

Счастливое воспоминание

Спустившись вниз с моста,

Она поглаживает томно свои руки.

Тонкое платье напитано легкой испариной –

Так нежный цветок дрожит от упавшей росы.

Следя украдкой за незнакомцем, смущается.

Ведь на ногах ее одни носки,

И шпилька золотая потерялась.

Вот, наконец, и дом, к воротам прислонившись,

Она вновь смотрит незнакомцу вслед

И фыркает, как будто сливу кислую разгрызла

[Wang, 1989, p. 3] (здесь и далее перевод автора. –

Ю.С.).

В 18 лет Ли Цинчжао вышла замуж за Чжао Минчэна (1081–1129), сына министра и ученика Императорской Академии. Брак, как это было принято, организовали родители жениха и невесты, однако молодые были счастливы. Чжао Минчэн был страстным собирателем антиквариата, древних книг, каллиграфических свитков, старинной бронзы и других предметов искусства [Духовная культура Китая, 2008, с. 333]. Этим увлеклась и Ли

Цинчжао. Позже она вспоминала: «Через два года после свадьбы он (Чжао Минчэн) получил должность, но мы жили на рисе и овощах и одевались в простые одежды. <...> Все жалование он тратил на научные исследования <...> Он отправлялся в самые отдаленные места, по бездорожью, дабы удовлетворить свой интерес к древним текстам и необычным рукописным шрифтам. <...> Когда он покупал каллиграфические и живописные свитки, кубок или треножник, мы неторопливо и детально все это изучали, подмечая малейшие повреждения. Так продолжалось до тех пор, пока не догорала последняя свеча» [Li Qingzhao's Epilogue..., 1996, p. 592]. По отзывам современников, супруги собрали одну из самых значительных частных коллекций китайских артефактов того времени. Общей была и любовь к поэзии, они наслаждались древними шедеврами, устраивали поэтические состязания, соревнуясь в умении слагать экспромтом стихи на заданные рифмы. В своих воспоминаниях Ли описывает эти интеллектуальные игры и сопутствующую им атмосферу: «Всякий раз в случае выигрыша я поднимала чашку с чаем и смеялась так сильно, что чай проливался мне на колени <...> Я была рада стареть в таком мире» [Li Qingzhao's Epilogue..., 1996, p. 592–593].

Стихи-цы Ли Цинчжао становятся спокойнее и утонченнее, от них веет ощущением супружеского счастья и умиротворения. Но огорчали частые отъезды мужа по служебным делам. Считается, что после одного из расставаний она написала свое известное стихотворение.

Одиночество

*Дождь подгоняет опадающие лепестки,
Весна уже уходит...
Люблю я эту пору,
Но в сердце поселилась боль.
Печальных мыслей рой покоя не дает,
И в спальне только одиночество меня встречает.*

*Никак я не могу унынье побороть.
Хожу по балюстраде, вдаль смотрю –
Где он, единственный, что дорог мне навеки?
Но не видать дороги, по которой он придет.
Высокая трава простерлась до небес
[Wang, 1989, p. 95].*

Ли Цинчжао, по отзывам современников, была красивой женщиной, осознававшей собственное обаяние. Часто она

сравнивает себя с тем или иным цветком, а описанные ей красоты поздней весны становятся символом ее собственной уходящей красоты, ждущей признания любимого мужа.

Цветы магнолии

*У продавца цветов купила
Весны знамение – едва раскрывшееся чудо,
Обрызганное сплошь слезинками,
Хранящее еще следы
Рассветных облаков и утренней росы.*

*Чтобы любимый не подумал
Что я не так прекрасна, как цветок
Его наискосок вставляю в облако своих волос
И спрашиваю, кто из нас красивее –
Цветок или я? [Wang, 1989. p. 27]*

Однако счастливые дни вскоре закончились, во многом из-за обострения политических разногласий между отцом Ли Цинчжао и ее тестем Чжао Тинчжи. Этот конфликт имел давнюю историю. В начале правления император Шэньцзун (прав. 1067–1085) решил провести в жизнь реформы, предлагавшиеся ученым и, кстати, видным поэтом Ван Аньши (1021–1086), целью которых было создание сильного государства, которое могло бы противостоять северным «варварам», захватившим часть китайской территории. Так называемые Новые законы предусматривали государственное регулирование торговли, производства, денежного обращения, при этом всячески ущемлялось частное предпринимательство. Крестьянам предоставлялся ряд льгот, а богатые люди впервые облагались налогами. Эту политику на государственном уровне теперь проводил Ван Аньши, назначенный главным министром, а его единомышленники заняли важные посты в правительстве. Радикальные новации затронули все институты общества и вызвали болезненную реакцию значительной его части.

После смерти Шэньцзуна бабушка нового малолетнего монарха, императрица Гао, отменила «Новые законы» и отправила в отставку всех реформаторов. На ключевые должности были назначены консервативные чиновники, в том числе и отец Ли Цинчжао, занявший важный пост заместителя руководителя Ведомства ритуалов. Однако после кончины императрицы Гао в 1093 году новый император Чжэцзун восстановил законы, предложенные Ван Аньши, и подверг гонениям членов консервативной партии. Эта политика продолжалась и в правление императора Хуэйцзуна (прав. 1100–1125).

Примерно через год после свадьбы отцу Ли Цинчжао, как и другим противникам реформ, было запрещено служить в столице, а затем он был и вовсе уволен с государственной службы. В свою очередь, отец мужа Ли Цинчжао быстро продвигался по служебной лестнице [Dictionary of the World Biography..., 1998, p. 588–589]. В 1103 году был издан указ, запрещающий детям опальных чиновников оставаться в столице, и Ли Цинчжао была вынуждена вернуться в Шаньдун, где прожила два года. В этот период она иногда посещала мужа, который занимал высокий пост в столице. Но политическая ситуация и разлад между семьями повлиял, видимо, и на их чувства. Чжао Минчэн был холоден во время нечастых визитов, а затем и после, когда указ был отменен, и Ли Цинчжао вернулась в столицу. О ревности не могло быть и речи, поскольку проявление такого низкого чувства было нарушением гендерной роли и могло послужить поводом для развода. Но боль доверялась стихам.

В 1107 году политическая ситуация вновь изменилась. Семья Чжао Тинчжи попала в опалу и, как следствие, Чжао Минчэна уволили с должности, и он был вынужден покинуть столицу. Супруги поселились в городе Цинчжоу (провинция Шаньдун), где прожили следующие 10 лет. Спокойная, хотя и скромная жизнь вновь сблизила их и оживила взаимные чувства. Каждый день после обеда они вместе читали или забавлялись придуманными играми, соревнуясь в способностях цитировать наизусть классические тексты [Biographical Dictionary..., 2014, p. 217]. В это время Ли Цинчжао написала эссе «Наброски о цы» («*Лунь цы*»), которое считается шедевром литературной критики. В нем она определяет разницу между жанрами *цы* и *ши*. Главное отличие, по ее мнению, состоит в том, что *ши* выражает волю, а *цы* передает чувства. В первой части этого утверждения Ли обращается к известной формуле «*ши янь чжи*» («стихи говорят о воле»), авторство которой приписывается одному из легендарных первоуправителей Поднебесной империи Шуню. Вторая же часть впервые в китайской литературной критике прямо говорит о смысле поэзии-*цы*. Ли комментирует и иногда весьма критично оценивает творчество своих предшественников в этом лирическом жанре, что выглядело весьма смело со стороны женщины. Она критиковала известных поэтов – Ли Юна (984–1053), Оуян Сю (1007–1072) и Су Ши за то, что их *цы*, «хотя и записаны строками разной длины, часто не гармонируют с мелодией» [Netherington]. В 1117 году политическое соперничество между двумя конфликтующими фракциями утихло, но для Ли Цинчжао начался тяжелый период в жизни: муж вновь охладел к ней, к тому же и оставил ее,

отправившись на новое место назначения. Следующее стихотворение, видимо, написано перед отъездом Чжао Минчэна, и в нем она выражает что-то более глубокое и мучительное, чем просто горечь расставания.

Отчаяние (На мелодию «Осенняя печаль»)

Ищу, разыскиваю,

Разыскиваю, вновь ищу.

Но результат один –

Тоска, печаль

И боль не проходящая!

Всегда, как только ты почувствуешь тепло,

Вновь холодом обдаст невыносимым.

Такое время трудное пришло.

Вина безвкусного здесь не помогут две-три чаши –

Вечерний сильный ветер их преодолеет.

*Я слышу крик гусей – воспоминанья прошлого несут
они на крыльях...*

И вдруг становится мне совершенно ясно,

Что раньше я уже встречалась с ними.

Златые хризантемы начинают отцветать,

Их падающие лепестки подхватывает ветер.

Кто соберет их? И лежат они печально,

Увявшие и никому не нужные уже.

А мне лишь остается у окна стоять

Как долгод этот день, когда же сумерки наступят?!

Листы магнолии дрожат под дождиком вечерним:

Кап-кап, кап-кап – доносится из полумрака.

Чтоб передать всю грусть мою

От этой сцены,

Не надо много слов. Оно одно – печаль

[Wang, 1989, p. 109].

Впереди были совсем тяжелые времена. В 1127 году племена чжурчжэней, пришедших с северо-востока, захватили столицу, император попал в плен, а на завоеванных землях Северного и Центрального Китая было создано чжурчжэньское государство Цзинь. Двор, аристократия, большинство чиновников ушли на юг, за Янцзы, где династия была воссоздана, и образовалось государство со столицей в Линьане (ныне Ханчжоу), получившее в истории название Южно-Сунская империя. Оно было вынуждено ежегодно выплачивать тяжелую дань варварам.

Ли Цинчжао вместе с мужем отправилась на юг. Пришлось оставить большую часть коллекции, в первую очередь тяжелые и громоздкие предметы искусства, и взять только самые ценные книги, которые поместились на 15 возов. За время тяжелого путешествия многое было утеряно. Жизнь в чужом краю налаживалась с трудом. Муж получил назначение на скромную должность в столице, но вскоре был вынужден оставить ее. Супруги переселились в Чиян. Летом 1129 года южносунский император призвал Чжао Минчэна для личной аудиенции перед назначением на ответственный пост в Хучжоу. Вскоре Ли Цинчжао получила письмо, в котором муж сообщал, что тяжело заболел. Ли поспешила увидеться с ним, 160 км она проплыла на нанятой лодке и застала мужа уже на смертном одре [Hansen, Curtis, 2010, p. 334].

Кончается весна

Стих ветер наконец,

Цветы уже увяли,

И лишь в грязи

Остался аромат опавших лепестков.

Сгустились сумерки. Нет настроения прическу делать.

Мир неизменен, но потеряно в нем все.

Его уж больше,

И слезы не дают словам прорваться.

Я слышала, что воды Шуанси еще хранят

Дыхание весны.

Как я люблю прогулки по реке

На легкой лодочке.

Но только вот боюсь, что ныне моя лодка

Не сможет выдержать

Такой печали груз [Wang, 1989, p. 117].

Ли Цинчжао осталась совсем одна. Родители давно умерли, детей не было, как и средств к существованию. Всю оставшуюся жизнь она была вынуждена переезжать с места на место в поисках лучшей доли, пока не осела в южносунской столице Ханчжоу. В 1132 году Ли тяжело заболела. В этот критический момент к ней приехал бывший однокашник мужа по Императорской Академии Чжан Жучжоу и предложил выйти за него замуж. Ли было 49 лет, она находилась в беспомощном состоянии, и потому согласилась, что было не в традициях конфуцианской морали, поскольку повторный брак вдовы рассматривался общественным мнением как верх неприличия. В последующие века этот факт биографии отрицался многими

китайскими учеными или расценивался как клевета, но последние изыскания, основанные на письмах и прозе Ли Цинчжао, подтвердили это [Egan, 2014]. Вскоре Ли поняла что новый муж проявлял интерес не к ней, а к ее коллекции антиквариата. Обнаружив, что многое было потеряно или украдено в ходе странствий, он стал попросту игнорировать ее. К тому же Ли выяснила, что Чжан Жучжоу не честно сдал государственный экзамен на чиновничью должность. Движимая чувствами справедливости и обиды, она сообщила об этом властям и подала на развод [Ward, 2008, p. 140]. Это был опрометчивый шаг, так как по сунскому законодательству жена не имела права доносить на мужа, а если такое случалось, ее приговаривали к двум годам тюрьмы. Так Ли Цинчжао оказалась в заточении, которое продлилось, правда, не долго. Ее друг и высокопоставленный чиновник Цы Чунли сумел добиться императорского помилования, и через несколько дней она была освобождена.

Очень мало известно о последних годах жизни Ли Цинчжао, как и времени ее смерти, но принято считать, что она умерла в возрасте 71 года. Стихи, которые она писала в последний период жизни, наполнены воспоминаниями о любимом муже и северной родине.

Праздник фонарей (На мелодию «Радость вечного союза»)

Закатное солнце – как прудик из жидкого золота.

Вечерняя тучка – как чистый нефритовый диск.

И где ты сейчас? О тебе лишь всегда мои мысли.

Далекая флейта выводит мелодию «Падают сливы цветы».

Прекрасна весна, но как долго продлится она?

Тепло и солнечно сегодня, в Праздник фонарей,

Но может это лишь прелюдия

К дождю и ветру?

Друзья старинные по винным развлечениям и стихам

За мной благоуханные кареты присылают,

Но отклоняю все их приглашенья.

Приятны мне воспоминанья о столице старой

Молоденькие девушки, забот не зная,

Так были радостны в тот Праздник фонарей.

У них из перьев зимородка шляпки,

В прически их золотые нити вплетены.

Они соперничали меж собой в очаровании.

Мою прическу нынче раздувает ветер и холодны как лед виски.

Боюсь из дома выходить в весенний вечер.

Уж лучше посижу за ширмой я

И буду слушать смех и разговоры

Идущих мимо молодых людей [Wang, 1989, p. 107].

Поэт Лю Чэньвэн, живший почти через век после Ли Цинчжао, в последние годы сунской династии, также тяжело переживал утрату Северного Китая и страдания народа под игом чжурчжэней. Он написал стихотворение в подражание Ли под названием «На мелодию “Радость вечного союза”». Во вступлении к нему он написал: «Прошло три года с тех пор, как я впервые прочитал стихотворение И Ань на мелодию “Радость вечного союза”, и с тех постоянно перечитываю его. Я написал свое, используя ее рифмы; оно конечно гораздо хуже с точки зрения поэтического языка и стиля. Но оно тем не менее проникнуто печалью даже больше» [Wang, 1989, p. VII]. Это говорит о том, что стихи Ли Цинчжао, особенно написанные в ее последние годы, обладали важным социальным значением и оказывали влияние на общественные настроения.

Ли Цинчжао написала несколько книжек (цзюаней) лирики, объединенных в сборник «*Шуюй цы*». Известный знаток китайской поэзии М. И. Басманов перевел на русский язык это название как «Строфы из граненой яшмы» [Ли Цин-чжао. Строфы..., 1970], что, на наш взгляд, не совсем корректно. Во-первых, китайской традиции обработки камней было несвойственно огранять их, дабы не разрушать их естественный, природный облик. Во-вторых, *шуюй* (漱玉 – промытый, или чистый нефрит) – это название родника, находившегося возле дома Ли Цинчжао в Цзинане (пров. Шаньдун). Вода из него падала на всегда чистый камень, радовавший свежими красками. Говорят, что в молодости она любила умываться этой ключевой водой. Родник существует и сегодня, привлекая многочисленных туристов [Best Chinese Poetess..., URL]. Точнее можно перевести название сборника как «Стихи из источника чистого нефрита».

В сборнике содержится большинство стихотворений, написанных в северосунский и южносунский периоды ее творчества. Но до нас дошли около 80 стихотворений, из которых 43 с уверенностью приписываются Ли Цинчжао [Wang, 1989, p. XII], а остальные в течение нескольких веков являются предметом споров относительно авторства. Р.Иган, разрушивший многие мифы относительно жизни и творчества Ли Цинчжао, провел тщательный анализ стихов поэтессы и пришел к выводу, что только для 36 цы достаточно надежно можно установить ее авторство [Egan, 2014,

р. 96–97]. Но все согласны, что даже это малое количество наилучшим образом выражает ее поэтический гений.

Несомненным вкладом Ли Цинчжао в развитие китайской поэзии стало создание собственного стиля («стиля Иань»), отличающегося сдержанностью и элегантностью и оказавшего глубокое влияние на многих современных ей и более поздних известных поэтов. Заслугой Ли считается внедрение в высокую поэзию разговорного языка. Ее предшественники и современники часто использовали в стихах витиеватые выражения, обращения к историческому прецеденту, сложные параллелизмы, аллюзии и прочие приемы, характерные для классической поэзии. Своим творчеством она облагородила повседневную разговорную речь, сделав ее частью высокой литературы.

Ли Цинчжао ценится на родине за гражданскую лирику, наполненную любовью к большой и малой родине; эти стихи были популярны среди патриотически настроенных людей всех следующих поколений. Она своими стихами и всей жизнью бросила вызов освященной традицией гендерным отношениям, не позволявшим женщине, тем более из высших слоев, открыто заявлять о своих интимных чувствах и мыслях. Ли Цинчжао писала о своих переживаниях, но они имели универсальный характер. Поэт не вторгается собственной персоной в изображаемую сцену; место субъекта в ней свободно, и легко может быть занято читателем.

Современные китайцы хорошо знают творчество Ли Цинчжао, ее имя стоит в одном ряду с такими гениальными поэтами как Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи. В г. Цзюйши (провинция Сычуань) никогда не пустует посвященный ей мемориальный зал. Получила она и международное признание. Многочисленные переводы ее произведений на иностранные языки познакомили мир с духовным универсумом средневекового Китая, оказавшегося уникальным, но все же понятным для современных людей феноменом.

Литература

- Духовная культура Китая: энциклопедия. Литература и письменность. М., 2008. Т. 3.
 Кравцова М.Е. История искусства Китая. СПб., 2004.
 Biographical Dictionary of Chinese Women. N. Y., 2014.
 Dictionary of the World Biography: the Middle Ages. Vol. 2. N. Y., 1998.
 Egan R. The Burden of Female Talent: the Poet Li Qingzhao and Her History in China. Cambridge, 2014.
 Hansen V., Curtis K.R. Voyages in World History. Vol. 1. To 1600. Boston, 2010.
 Netherington W. Comprehensive Exams – Major Field Response (ci lineage from Tang to Qing). [Электронный ресурс]. URL: www.academia.edu

Wang Jaosheng. The Complete Ci-poems of Li Qingzhao: A New English Translation with the Original Texts in Chinese Calligraphy. // Sino-Platonic Papers. Philadelphia, 1989. № 13

Ward J.E. Li Qingzhao. Homage to. [n.p.], 2008.

Women Writers of Traditional China. An Anthology of Poetry and Criticism. Stanford, 1999.

Источники

Ли цзи. [Электронный ресурс]. URL: www.srph.ru

Ли Цин-чжао. Стифы из граненой яшмы. М., 1970.

Best Chinese Poetess: Li Qingzhao. [Электронный ресурс].

URL: www.chinesetolerant.com

Li Qingzhao: Beauty of Sorrow. [Электронный ресурс]. URL: www.womenofchina.cn.

Li Qingzhao's Epilogue to Records on Metal and Stone. N. Y., 1996.